

А.И. СОЛОВЬЁВ

Этика правящего класса как источник государственных стратегий

В статье раскрывается место и роль ценностно-ориентационных и морально-этических представлений правящего класса в качестве источника разработки и осуществления государственных стратегий. Показывается, что решающим влиянием в этом плане обладают убеждения и установки сетевых коалиций элиты, действующих в латентной форме и играющих центральную роль в подготовке и реализации государственных решений. В этой связи в статье характеризуются структурные и процессуальные условия и факторы, обуславливающие влияния элитарных ценностей на конкретные решения и общественные условия их реализации. В этом контексте описываются особенности ценностно-ориентационного комплекса современного правящего класса в России, способы его влияния на цели государственных стратегий с учетом действующим в истеблишменте культурных норм и традиций.

Ключевые слова: правящий класс, элита, ценности, этика, государство как пространство принятия решений, государственные стратегии.

Сетевая среда разработки государственных стратегий

Государственные стратегии были и остаются эффективными инструментами развития общества и соответствующего распределения материальных и иных ресурсов. Этот тип управленческой активности властей наиболее полно проявляет способности государства, компетенции и умения управляющих отвечать на вызовы времени.

С технологической точки зрения стратегические замыслы преобразуются в конкретные задачи и проекты в сложном взаимодействии различных политических, административных и гражданских структур. Причем деловые коммуникации “тех, кто принимают решения”, всегда формируют “открытые системы с непрерывным взаимодействием с окружающей средой” [Zey 1998, p. 24]. Более того, взаимодействие властей с гражданскими структурами, а также внутриэлитарные контакты порождают в государстве ряд политико-административных пространств (зон, арен), демонстрирующих особые конфигурации связей государственных институтов и их внешних (в том числе международных) контрагентов. В этом плане имеет смысл говорить о различных возможностях политической системы, государственного управления, правящего режима и режима регулирования (отражающего форму организации центров принятия решений) в деле формирования стратегических решений и планов [Соловьёв 2015].

В каждом из этих континуумов складывается собственная комбинация кооперативных действий различных акторов, идет специфическая обработка данных и расчет времени достижения целей, формируются особые формы обратной связи, активи-

Соловьёв Александр Иванович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политического анализа Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Адрес: 119991, Москва, Ломоносовский просп., д. 27/4. E-mail: solovyev@spa.msu.ru.

руются общественные или корпоративные приоритеты в повестке дня, и т.д. Однако, несмотря на всю специфику этих арен, их сочетание демонстрирует последовательное сужение возможностей гражданских игроков при принятии решений и столь же последовательное усиление позиций элитарных ассоциаций¹.

Так, политическая система со всеми возможностями электорального и партийного давления на власть, создавая лишь самую общую рамку взаимодействия государства и общества, практически не оказывает влияния на конкретные формы проектирования и распределения ресурсов. И даже в условиях репрезентативного выражения интересов населения ее механизмы трансляции общественных запросов натываются на “стеклянные стены” многочисленных согласований, экспертных оценок, действий профессиональных управляющих и т.д. Так что, даже разогревая массовый дискурс и политический активизм гражданского населения, политическая система способна создать лишь предпосылочные условия для принятия государственных решений².

В еще большей степени усиливает дистанцированность гражданских структур от рычагов принятия решений система государственного управления, формализующая контакты управляющих и управляемых и превращающая административные регламенты и служебную логику в практически непроходимый барьер для общественного мнения. В еще большей степени сужает возможности гражданского участия правящий режим, чьей социальной опорой становятся наиболее ресурсно оснащенные группы, которые пытаются приспособить основные государственные институты к своим интересам. Главными закоперщиками принятия решений здесь становятся различные ассоциации правящего класса, действующие как через более или менее оформленные структуры (лобби, группы давления), так и через различные латентные сетевые альянсы политической и бизнес-элиты. Превращая государственные органы в своеобразные “переплетенные институты” (Н. Лауманн и У. Кноке), эти клиенты предопределяют характер государственных целей, создавая принципиальную возможность переключения деятельности государства с общегражданских на корпоративные и партикулярные решения.

В данной части государственного пространства сети как латентные образования правящего класса качественным образом снижают гражданский и институциональный контроль, превращая управленческие институты в предварительные площадки согласования интересов между различными сегментами правящего класса. Не случайно здесь доминируют внутриэлитарные договоренности, максимально активируются “серые” схемы распределения ресурсов (как правило, нарушающие нормы общественной морали и балансирующие на грани нарушения закона), используются коррупционные дыры в законодательстве для продвижения тех или иных решений.

Последовательно сужая возможности институционального и гражданского контроля за своими действиями, эти образования правящего класса (*public governance networks*) придают центрам принятия решений, контролирующим непосредственное распределение ресурсов, фактический формат их функционирования (что отражено в понятии “режим регулирования”)³. В этой части политико-административного пространства межсетевые отношения представляют собой уже не приложение к существующим институтам власти и управления, а решающие структуры целеполагания, предопределяющие образование *другого типа* “институционализма” (К. Ланде).

¹ Здесь и далее определения “элиты”, “элитарный” и т.п. трактуются исключительно в социально-политическом смысле, как фиксирующие принадлежность к правящим слоям.

² Не случайно даже в демократически развитых государствах сегодня постоянно встает вопрос о “демократизации демократии”, то есть создании реальных условий включения общества в процесс разработки целевых показателей общественного развития.

³ Поскольку эти сети направляют свои усилия в основном на цели, которые дают сиюминутную отдачу (что оставляет определенное управленческое пространство для институтов и структур саморегулирования), то это пространство, строго говоря, предполагает *регулирование*, а не *управление* объектами (исключая тем самым претензии элит на преобразование социальных отношений в полном соответствии со своими замыслами). В силу этого данное пространство обладает способностью к сужению/расширению своего объема.

Подчиняясь внутриэлитарным связям, политики и госадминистраторы, вовлеченные в решение конкретных задач, как правило, оказываются – наряду со своими официальными статусами – носителями и корпоративно-сетевых замыслов, сопровождающих и трансформирующих стратегические цели государства. Даже формально представляя государственные структуры, эти сетевые коалиции провоцируют “предательское поведение” институтов, действующих в пространстве, где политики “друг друга знают” и где доминируют “приятельские отношения и знакомства” [Хайоз 2011, с. 203, 204, 206]. Такая активность позволяет этим “приятельским сетям” осуществлять захват и “тихое” распределение между “своими” ключевых ресурсов общества в той или иной области (цит. по [Дегтярев 2003, с. 170]). Понятно, что при подобных условиях используются не только “серые”, но и “черные” схемы и средства распределения ресурсов, переступающие правовые и административные ограничения.

По сути, на этой площадке элитарные “сети создают новую форму власти” [Kenis, Schneider 1991, p. 25], которая в известной степени “противостоит” официальному “государственному управлению” [Silke, Kreisi 2007, p. 130]. Неудивительно поэтому, что под сетевым давлением “некоторые институты и общепринятые ценности могут стать объектами использования ... для осуществления скрытых замыслов” элиты [Хайоз 2011, с. 201]. А этот факт означает, что государство способно направлять свои стратегии и против общественных интересов, а в ряде случаев может превратиться в дифференцированную “организацию рэкетиоров, контролирующую производство услуг безопасности на данной территории” [Tilly 1976], то есть обрести то состояние государственности, которое М. Олсон определил как “стационарного бандита” [Olson 1993].

Все вышесказанное демонстрирует, что разработка государственных стратегий не просто связана с исключительной деятельностью элит, но главным образом зависит от активности доминирующих сетевых коалиций правящего класса. На высших этапах принятия решений государственная власть превращается в фактическую власть доминирующих (монопольных) сетей, происходит их превращение из *эпифеноменальных* в *решающие* структуры разработки государственных стратегий. В этих условиях официальные институты выступают всего лишь переговорными площадками сетевых агентов, чья ответственность по этим причинам размывается, а сетевые коалиции способны полностью отказаться от координации с официальными структурами, переходя к самостоятельному перераспределению ресурсов.

Сказанное наглядно демонстрирует, что поскольку многоступенчатый – и одновременно открытый – характер принятия государственных решений исключает устойчивую формализацию внутриэлитарных контактов, а представители правящего слоя (способные радикально менять свои ролевые диспозиции) слабо ограничены в своих планах и коммуникациях, то – скажем мягко – едва ли не основным источником разработки государственных стратегий и планов становятся субъективные намерения участников доминирующих сетей правящей элиты. Иначе говоря, отсутствие формализованного (институционального, гражданского) контроля на верхних этапах власти – это не только предпосылка для предметного, точечного распределения ресурсов, но и условие превращения внутренних, субъективных представлений правящего класса в *решающий источник* разработки и осуществления государственных стратегий.

Другими словами, как основной проектировщик принимаемых в государстве решений сетевые коалиции выступают в качестве самодостаточных акторов, способных оказывать решающее влияние на правительственные стратегии (решения) в соответствии со своими внутренними убеждениями. Таким образом, весь комплекс их ценностно-ориентационных воззрений обретает статус самостоятельного фактора, не только детерминирующего конкретные управленческие решения, но и влияющего “на стратегические взаимодействия, способствуя или препятствуя коллективным усилиям, направленным на достижение... результатов” [Goldstein, Keohane 1993, p. 8]. Такое положение не только формирует некие рамки для последующих акций по принятию решений. Главное, оно подтверждает, что “отнюдь не все идеи, циркулирующие в пуб-

личной среде, оказывают влияние на принятие решений” [Малинова 2009, с. 20] и что именно в действиях сетей идеи обретают статус “значимых объяснительных причин политических процессов и событий” [Сморгунов 2009, с. 120]. Причем даже смена управленческих команд не меняет позиционирования элитарных сетей в зоне принятия решений, чей латентный способ существования сохраняет их возможности профилировать государственные стратегии и цели.

Ценности и власть

Субъективная сфера правящего слоя, понимаемая как источник многообразия государственных проектов, сама по себе – неисчерпаемый океан человеческих значений и смыслов. В то же время наиболее устойчивым и определенным профилем субъективности является ценностно-ориентационный, морально-этический комплекс элитарных представлений, создающий фундамент всем замыслам и намерениям правящего класса. Причем для принятия стратегических решений значение имеют как “убеждения-принципы” (*principled beliefs*), лежащие в основании этих представлений (и чаще всего неявно включенные в управленческие действия), так и “каузальные представления” (*causal beliefs*), обуславливающие содержание конкретных решений (то есть являющиеся их своеобразными “дорожными картами”) [Goldstein, Keohane 1993, p. 8, 10]. Хотя и не прямолинейно, но в конечном счете, вполне определенно этот тип воззрений и установок определяет приверженность представителей правящего слоя тем или иным политическим идеям и принципам, формирует предрасположенность к приоритетному отбору проблем и представлениям о желательном будущем, оправдывает допустимость применения тех или иных средств достижения целей и тем самым придает очевидную направленность разрабатываемым в государстве стратегиям.

В науке рассмотрение роли ценностей в качестве источника принятия решений выражено в наличии двух основных подходов. Так, установка на постоянную и непреходящую ориентацию органов власти на определенные идеалы и принципы вне зависимости от содержания контекста аттестуют, условно говоря, мифологический подход. Многочисленные тоталитарные и имперские практики, потуги властей на утверждение единственно верной “государственной идеологии” (или “национальной идеи”) прекрасно иллюстрируют проективные последствия такого подхода.

Конкурирующая когнитивная платформа (базирующаяся на идее М. Вебера о рационально-ценностных представлениях) ставит во главу угла рациональную стратегию применения ценностных представлений, предполагающую неперемное сочетание исходных ориентационных этических принципов с управленческими контекстами [Zey 1992]. В сочетании с инкременталистской парадигмой Ч. Линдблома такой подход позволяет соединить стратегическую ориентацию государства на некие разделяемые властью принципы с прагматическим отношением к складывающимся обстоятельствам. Таким образом, ценности, будучи фундаментальным основанием управленческой активности, могут рассматриваться в качестве источников государственных стратегий лишь при условиях, отвечающих их содержанию. В этом плане рациональная опосредованность ценностей становится неперменным условием их практического воплощения.

Несмотря на то, что на практике каждый раз возникает некий синтез указанных подходов (поскольку даже мифологическая составляющая так или иначе связана, пусть и с неадекватным, но все же с конструированием социальных реалий), целесообразно скорректировать соотношение данных идей с вышеобозначенными пространствами (аренами) принятия государственных стратегий. В этой связи становится понятно, что и политическая система, и система государственного управления, и правящий режим, так или иначе содержат некие – институциональные, дискурсивные, медийные и иные публичные – ограничения для продвижения планов правящего класса (а следовательно, и для оспаривания их ориентационных и этических подходов). А вот наиболее безопасной для элиты площадкой претворения в жизнь своих ценностей и намерений

оказывается “режим регулирования” (фактическая форма организации деятельности центров принятия решений, непосредственно распределяющих общественные ресурсы). Эта часть государственного пространства обладает как институциональной, так и информационной закрытостью от общества, что качественно расширяет самостоятельность правящих кругов в деле реального проектирования и распределения ресурсов и статусов. В силу этого не только рациональные соображения элит, но и их мифологически обусловленные цели становятся непосредственными источниками применения власти и управления. И даже самые абсурдные идеи (предполагающие построение “светлого будущего”, уничтожение “онтологических врагов” и даже усеянный трупами соотечественников путь “вхождения в Европу”), прикрываемые политической риторикой руководства, на практике *выравниваются* с рационально мотивированными проектами и стратегиями государства. И хотя не выравниваются социальные результаты этих типов госрегулирования, интерпретация полученных итогов превращается в проблему информационной политики властей, их способности создать символы, убеждающие людей в благотворности полученных результатов.

Как бы то ни было, но очевидно, что этика (как ядро ценностно-ориентационного комплекса) элит оказывает непосредственное влияние на содержание целей, оставаясь важнейшим источником производства государственных решений. Именно она становится фундаментом решений, центрируя их содержание и ориентируя деятельность властей, побуждая и принуждая их к последовательному выполнению задуманного.

В то же время, формируя ядерные смыслы проектируемых стратегий, этические принципы постоянно сталкиваются с прагматическими установками элиты, связанными с содержанием конкретных *проектов* (наполняющих государственные стратегии). Ведь ориентируясь на получение тех или иных ресурсов, ее сетевые ассоциации (озабоченные получением ресурсов) в основном сориентированы на оптимизацию *средств* реализации проектов наиболее оптимальным и безопасным для себя образом. Поэтому для элитарных сетей, как правило, деловой приоритет – не конструирование нового и даже не установка на развитие, а стремление к воспроизводству сложившегося политического порядка.

С одной стороны, такие тактические соображения элиты подталкивают государство по преимуществу к перераспределительному типу политики и укреплению консервативного вектора развития (что, по понятным причинам, ограничивает возможности стратегического проектирования в государстве, сужает его долгосрочные управленческие перспективы). С другой стороны, ориентация на реализацию того или иного проекта тесно связывает этические стандарты и нормы правящего класса с тактическими компонентами принятия решений: определением характера кооперации различных коалиций правящего класса; регулированием допуска “своих” и “чужих” элитарных альянсов к административной ренте; с оптимизацией соотношения публичных и латентных форм целеполагания и многими другими аспектами управленческой деятельности.

В то же время надо учитывать, что в сочетании оперативных и ценностных представлений правящего класса при разработке стратегий заключен не только ориентационно-проектный, но и венчурный потенциал. Последний проявляется в тех случаях, когда сетевые ценности и этические максимы элиты утверждают неоспоримое (особенно связанное с принудительным распространением этих установок) превосходство “своей” нации (народа, государства) и ее самобытной культуры (политики); убеждения участников доминирующих сетей препятствуют адекватному восприятию информации, обновляющей их картину мира; усвоенные ценности становятся единственным компонентом, на котором строятся правительственные проекты и стратегии; собственные представления упорно продвигаются в любом социальном контексте, несмотря на их несоответствие действительности. Во всех этих случаях субъективные воззрения элиты способствуют нарастанию управленческих рисков, снижают деловой потенциал переговорных стратегий, усиливают рассогласованность действий различных государственных и гражданских акторов, способствуют нарастанию внутренней напря-

женности и враждебности в их отношениях, что, в свою очередь, ведет к блокировке управленческих взаимодействий институтов государственного управления.

Оценка места и роли ценностно-ориентационного потенциала элитарных сетей зависит и от характера профессиональной идентичности их участников. Другими словами, принципиально важно, воспринимают ли политики и госадминистраторы себя как представителей общества и являются ли общественные интересы приоритетными (по сравнению с личными и корпоративными) при осуществлении ими управленческих замыслов? Естественно, что от этого зависит и то, насколько значимы для них институциональные и правовые ограничения их замыслов, насколько важна ответственность перед гражданским сообществом, обладают ли для них нравственным значением процедуры (административной, политической и проч.) подотчетности.

В целом, несмотря на вторичную роль морально-этических принципов (опосредованных законами, административными регламентами и требованиями служебной логики) для госбюрократии в целом, в рамках правящего режима и режима регулирования роль морально-этических, ценностных предпочтений элитарных кругов обретает принципиальное значение, превращаясь в основной источник инициации государственных решений. Корпоративные ценности правящего класса и предметные установки доминирующих сетей создают интенционально замкнутую и функционально самодостаточную систему ориентаций и установок при принятии решений. Кодекс сетевого сообщества предполагает ориентацию на наиболее эффективные пути достижения конкретных целей, поддержание взаимных договоренностей и противодействие конкурентам (заинтересованным в реализации тех же задач).

В конечном счете предметное значение всех ориентационных, проектных и профессиональных ценностей и установок представителей элитарных (особенно доминирующих) сетей наиболее ярко выражено в ключевых параметрах процесса принятия решений. С формальной точки зрения к ним можно отнести различные доктрины, концепции, стратегии, чьи параметры так или иначе выдержаны в соответствии с ориентационными (мифологическими, идеологическими) представлениями правящих верхов, но чье абстрактное содержание предполагает широкие возможности для оперативного распределения ресурсов в интересах различных социальных групп.

В то же время практическое и куда более действенное влияние на стратегические цели государства оказывает Я-концепция лидера, выступающего одновременно “вершиной” доминирующей сети, которая ломает иерархические связи внутри правящего класса и объединяет его представителей на принципах персональной (идейной) лояльности и конкурентного партнерства. Комплекс представлений (излагаемых в речах и выступлениях) этого актора обладает широкой субъективной разверткой, проявляясь в идеалах и картине мира данной личности (идеологической, мифологической, рациональной); в индивидуальных ценностных предпочтениях (склонности к консенсуальным или силовым методам решения проблем, приоритете идеалов гражданской, этнической, профессиональной и прочих форм идентичности и т.д.); в понимании условий, при которых он может пойти на компромисс и “поступиться принципами”; в убеждениях о “правильном” соотношении личных, групповых и общественных интересов; в специфическом восприятии традиций собственного народа и мирового сообщества; в наличии (конкурентных, соревновательных, формальных, неформальных) отношений со своим ближним окружением (внутренние зависимости в котором непосредственно влияют на выработку и имплементацию конкретных целей), и т.д.

В авторитарных политах характер государственных решений во многом зависит от того, как лидер воспринимает внешние и внутренние вызовы; способен ли он агрегировать позиции других структур и коалиций или же замещать их собственным мнением; насколько критично он относится к расширению форм рентоориентированного поведения лояльных политиков и чиновников, и т.д.

Существенны для формирования государственных стратегий и групповые ориентации и приоритеты ближнего окружения лидера: их мифо-идеологическая или прагматическая ориентация, степень персональной или идеологической лояльности лиде-

ру, наличие/отсутствие собственной повестки дня и т.д. Свою, не менее существенную роль играют и представления лиц, входящих в дальнейшее окружение лидера, представляющее собой круг ответственных исполнителей, работающих на ключевых позициях в отраслевых и региональных структурах управления государством. Эти лица имеют возможность модифицировать определенные идеи руководства, проявлять креативность и творческий подход к решению поставленных целей.

Представители ближнего и дальнего окружения лидера в основном и создают те сетевые ассоциации, совокупность которых формирует реальную конфигурацию механизма разработки государственных стратегий. Именно их деятельность определяет содержание информационного сопровождения государственных стратегий и поддержание легитимирующих коммуникаций с обществом, опосредует функционирование важнейших институтов власти и управления. Благодаря действующим в сетях партнерским договоренностям и взаимным обязательствам, эти коалиции имеют возможность как влиять на линию поведения госструктур (и их кадровый состав), так и применять к ним те или иные санкции в целях выстраивания должного поведения и исключения управленческих девиаций. По сути, доминирующие сети имеют возможность использовать инструменты политического и административно-кадрового давления на все государственные структуры.

Соответствующим образом в зоне принятия решений, связанных с непосредственным распределением ресурсов, формируется особая система корпоративно-клановых ориентаций и договоренностей, обеспечивающих взаимные деловые контакты сетевых сообществ, а также их связи с государственными институтами и гражданскими структурами. В сочетании с конкретной расстановкой сил и влияния тех или иных фигур и микроассоциаций правящей элиты на выработку решений, этот комплекс коллективных ориентаций и действий порождает реальные цепочки деловых коммуникаций, в итоге складывающихся в общую конфигурацию целеполагания и формирующих ту среду, в которой непосредственно выстраиваются государственные стратегии и проекты.

Однако, несмотря на внутреннюю сегментацию и неизбежные разногласия в правящем сетевом сообществе, общим основанием замыслов и убеждений причастных к ним лиц служит *корпоративная* солидарность правящего слоя. Именно она объединяет и консолидирует действия разных элитарных ассоциаций, создавая ту идейную и эмоциональную платформу, которая предопределяет их связи как с другими, более удаленными от власти элитарными коалициями, так и с гражданскими структурами и социальными движениями. Важно иметь в виду и то, что морально-политические устои доминирующего сетевого сообщества подкрепляются и корпоративной этикой более удаленных от власти сегментов истеблишмента, представители которого готовы поддерживать любое решение властей за право попадания на более высокий уровень правящего класса, причастный к распределению ресурсов.

Понятно, что зона принятия государственных решений, либо лишенная влияния институтов (и соответствующих форм гражданского контроля), либо крайне слабо подтвержденная их воздействием, неизбежно расширяет рамки этической детерминации управляющих, временами превращаясь в заложницу персональных взглядов лидеров и микрогрупповой культуры и психологии элитарных кругов. Не случайно слабые и несостоявшиеся государства (*failing states*) демонстрируют постоянное сползание официальных структур к теневым методам принятия решений, к переориентации органов власти и управления на перераспределение общественных ресурсов в узкопартикулярных интересах, символически прикрываемых политической риторикой властей.

Сказанное демонстрирует, что стратегическая роль ориентационно-тактического комплекса элитарных слоев существенно разнится в обществах разного типа. Так, в западных странах последовательное – хотя и противоречивое – выстраивание демократических порядков привело не только к формированию качественных политических институтов, отработке механизмов подотчетности, действенных каналов гражданского контроля, но и к формированию этических норм правящего класса, прекрасное

осознающего свою зависимость от общества, и потому со временем выработавшего профессиональную этику, сориентированную на достижение общественно значимых результатов государственного управления⁴.

В силу этого даже та дистанция, которая отделяет обывателей от центров принятия решений, сохраняет функционал основных механизмов подотчетности правящего класса (контролирующего различные институты и зоны целеполагания), общегражданское содержание государственных стратегий. В противоположность этому авторитарные, тоталитарные (и посттоталитарные) государства, сохраняя у власти правящие круги, пропитанные осознанием собственного превосходства и пренебрежения к интересам граждан, превращают государственные институты в элементарные фикции, не способные работать на общественные интересы. Власть и управление государством понимаются такими людьми как заслуженная ими прерогатива, которая не зависит от мнения общества и может удерживаться и передаваться по их собственному усмотрению. В этих политиях государственная власть становится вотчиной узкой группы лиц, под прикрытием политической риторики которой государство утрачивает черты гражданского антрепренера.

Как бы то ни было, не следует констатировать, что управленческие комплексы, формируемые национальными государствами для производства правительственных стратегий, обладают серьезными аксиологическими различиями. И связаны они в первую очередь не с массовыми настроениями или особенностями политической культуры общества, а с ориентационно-этическими воззрениями сетевых (доминирующих) коалиций правящего класса. Эти ценностные основания формирования государственной политики играют принципиальную роль в определении стратегических направлений в деятельности национальных правительств, отношении правящих кругов к правовым и институциональным ограничениям их активности и в принципе способны развернуть государственную машину даже при наличии демократических структур и институтов в противоположную сторону.

Российский случай

Влияние ценностных ориентиров и морально-этических принципов отечественной элиты на содержание государственных стратегий весьма многообразно. Оно проявляется в различных сферах общества, в целях и методах их достижения и многих иных параметрах госрегулирования. Выявление их влияния невозможно без использования определенной временной шкалы, соотношенной с жизнью поколений и отражающей не только фактические приоритеты в осуществлении государственной политики, но и характер распределения общественных ресурсов (свидетельствующих о понимании элитарными кругами соотношения гражданских и своих групповых интересов). В этом же временном коридоре следует оценивать и результаты воздействия на государственные решения ценностей сетевых коалиций правящей элиты.

С макросоциальной точки зрения итоги ценностной профилизации государственных стратегий выражены двояко: в достигнутых страной социально-экономических результатах и той цене, которую заплатило за это общество. С данной точки зрения, на одной чаше весов находятся создание и сохранение советского (российского) государства, обладание страной современным вооружением для защиты своей безопасности, победа над нацистскими захватчиками, освоение космоса и т.д. На другой чаше – десятки миллионов жертв коллективизации и индустриализации и борьбы с “внутренни-

⁴ Конечно, сказанное не означает отсутствия в западных демократиях фактов коррупции и произвола правящих слоев, сложных коммуникаций с гражданским сообществом и т.д. Однако исторический опыт дает основание констатировать совершенно иное качество элитарного слоя, нежели в посткоммунистических и посттоталитарных странах. Этика элитарного сообщества в демократических государствах – наряду с пониманием своих реальных преимуществ – неминуемо содержит представления о зависимости власти от общества, праве граждан на реальное участие в управлении, контроле за принимаемыми властью решениями, ограниченности прерогатив любых государственных институтов и т.д.

ми врагами”, узкое социальное пространство для реализации прав человека, постоянные гонения на оппозицию, поддержание в обществе стандартов великодержавности, невысокий уровень жизни населения и т.д. Как и общество, элита расколота в ценностном отношении: одна часть считает приоритетом государство, другая – человеческую личность; соответственно, одни относятся к И. Сталину как к “эффективному госменеджеру”, иные – как к убийце соотечественников; одни ратуют за европейскую, прочие – за евразийскую стратегию, и т.д.

Понятно, что разные грани этого мировоззренческого спора еще долгое время будут – весьма противоречиво – проявляться в государственных планах⁵. Есть, однако, менее глобальная, но не менее значимая шкала выявления уже собственно управленческой стоимости элитарных ценностей. Как уже говорилось, она связана с пониманием представителями правящего класса своей служебной (представительской по отношению к обществу в целом) роли и соотношения своих и общественных интересов. И в этом плане можно куда более предметно идентифицировать ценностные основания управленческой активности правящей элиты и ее влияния на стратегические цели государства.

Не углубляясь в историю, в данной связи уместно вспомнить, что советская (тоталитарная) форма организации власти долгие десятилетия создавала все возможности для самовоспроизводства власти правящих группировок, их неподконтрольности обществу. Прошедший элитой путь от “красного террора” до массовых фальсификаций на выборах свидетельствует о решении властями простой задачи, а именно – сохранения устойчивой самолегитимации (что, как следствие, вело к укреплению ценностей корпоративного, узкопрагматического эгоизма).

Строго говоря, политическая история России с Октябрьских времен показывает, что отечественные правящие слои в значительной части превратились из представителей гражданских интересов в *заказчиков* и *бенефициариев* конкретных проектов. В этом формате элитарные сети и их представители действуют сегодня не как “опосредующие власти” или “промежуточные тела” между государством и обществом (Ш. Монтескье), а как коалиции, придерживающиеся “кодекса товарищества” и законов делового “братства”, направляющих свою активность исключительно против чужаков и конкурентов [Бочаров 2011, с. 89]. Негативный отбор нынешних элит (в основном рекрутируемых по законам протекционизма) на фоне слабости гражданских институтов превращает их элитарные коалиции в инструмент разрушения демократической подотчетности органов власти [Peters, Pierre 2007, p. 17]. Такого рода факты показывают, что российские правящие круги превратились в новую разновидность дистанцированной от общества номенклатуры.

Такое историческое перепозиционирование правящих кругов, контролирующих различные (отраслевые, федеральные, региональные) площадки, не только дает им дополнительные возможности по освоению административной ренты, но и повышает защищенность от гражданского контроля, помогает выстраивать собственные цепочки управленческого рекрутинга, ограничивать политические места для представителей “чуждых” им группировок, проектировать необходимые юридические акты и т.д. Более того, сегодня сетевое могущество элиты обретает и дополнительные “институциональные” качества, переходя от подчинения механизмов выработки государственных стратегий к перестройке системы государственного управления на принципах частного права, обеспечивающих представителям правящего класса “собственный” выход на судебные, правоохранные и иные институты власти и управления.

⁵ Представляется, однако, что у сохранения такой идейно-ценностной неопределенности есть свое основание. И оно коренится не столько в расколе массовых воззрений по принципиальным вопросам отечественной истории, сколько в желании элиты использовать эти противоречия для поддержания идеологической эклектики в публичном дискурсе, в конечном счете позволяющей правящему режиму – акцентируя либо ту, либо иную ценностную мотивацию – удерживать свои позиции в идейно разделенном обществе.

Неудивительно, что на таком управленческом ландшафте институты развития не ведут к реальному прогрессу; постановка “социальных целей” сохраняет катастрофические разрывы в положении различных слоев населения и повышает жизненный уровень только только избранных групп населения; демократия “развивается”, а электоральные фальсификации становятся все более изощренными; пространство для реализации прав человека “расширяется”, а давление на оппозицию только усиливается, и т.д. Стратегические последствия нынешнего типа сетевого правления демонстрируют преобладающий вывоз активов за рубеж, нарастание упущенной выгоды, перекладывание издержек такой системы управления на население, а в ближайшем историческом будущем чреваты превращением кризиса управления в кризис политический. В значительной степени и сегодня – как и в 1990-е гг. – крупнейшие национальные (нефтяные, газовые, информационные и прочие) компании работают в России “по логике межнациональных концернов, занимающихся добычей сырья в чужой стране” [Тамаш 1999, р. 120]. Стратегическими результатами реального места элиты в управлении обществом стало качественное увеличение трудностей для гражданской самоорганизации населения, отсутствие независимых профсоюзов, подконтрольность рынка труда крупному бизнесу, отсутствие реальной модернизации политики и экономики.

Отечественный опыт показывает, что пережитые обществом официальные идеологии, устремлявшие взгляды граждан к историческим горизонтам (“коммунизма”, “демократии”, “модернизации”), приучили элиту считать страдания и нищету народа, массовые жертвы и загубленные судьбы миллионов допустимой платой за “общественный прогресс”. И сегодня взятая на вооружение доктрина “просвещенного консерватизма” (означающая не эволюционное продвижение вперед, а отказ от осовременивания политической и экономической жизни) игнорирует внутреннюю напряженность и дискомфорт повседневной жизни населения, рассматривая их как побочный продукт достижения высоких целей. Практически открыто в обществе стимулируются ностальгические настроения по имперской политике СССР, всячески оправдываются великодержавные замашки властей, обеляются большевистские методы сохранения власти.

Для оценки этико-ориентационных государственных стратегий важен и еще один аспект. Исторический опыт дает основание утверждать, что и “коммунистический”, и “демократический” эксперименты, а также другие “большие проекты” во многом оказывались стратегиями не только самолегитимации правящих коалиций, но и получения их представителями соответствующих ресурсов. Иначе говоря, и “пламенные революционеры”, и “убежденные коммунисты”, и “демократические реформаторы”, конструируя будущее и противоборствуя “оппортунистам”, “врагам народа”, “диссидентам”, “пятой колонне” и другим противникам своего правления, никогда не забывали свои мирские интересы⁶.

Выстроенная сегодня конфигурация государственного управления, цели и устремления верхов свидетельствуют о наличии у правящих ассоциаций особой системы ценностной ориентации, которую исследователи справедливо называют “культурой дворца” (И. Глебова). Культурой, которая демонстрирует ценности персонального и группового эгоизма элиты, тщеславия и презрения к обществу, барства, преобладания корпоративной этики и властных амбиций. Этической кульминацией самозакукленности правящего класса, его дистанцированности от общества, безусловно, выступала

⁶ Отмечу попутно, что в науке теоретическое доказательство существования элитарных сетей достаточно затруднительно. Для этого, в частности, предлагается идентифицировать сети либо по *несоответствию* результатов государственной политики институциональному строению государства и его конституционно-правовому порядку, либо по “системам убеждений”, либо фиксируя особую “координацию действий” этих участников, которые так или иначе проявляются в практике управления [Schlager 2007, р. 303]. Так, по данным А. Шевякова, с 2000 по 2009 г. единственной устойчиво растущей группой (при сохранении у других групп граждан пологой или нисходящей траектории социального роста) была группа долларовых миллионеров [Шевяков 2009]. Общеизвестно и то, что в России до 2000 г. не было ни одного долларового миллиардера, а через десятилетие правления нынешнего режима Россия по этому показателю заняла второе место в мире, а Москва превратилась в лидера по проживанию этой категории бизнесменов.

“сталинская власть [которая]... всю страну воспринимала как потенциального врага, как свое враждебное окружение” [Глебова 2011, с. 227]. Однако и сегодня мы видим немало схожих черт с такой политической стратегией. Так что и современные формы проявления такой замкнутой на себя и свои интересы корпоративно-сетевой структуры элиты демонстрируют ориентиры и ценности, порождающие, говоря словами В. Ключевского, “дворцовое государство”. Государство, демонстрирующее вотчинный и попечительский характер власти, отрыв элитарных групп от интересов населения и превращение внутренних альянсов правящего класса в дистанцированное от народа привилегированное сословие.

Показательно, что даже в условиях нынешнего геополитического (и экономического) кризиса правящие коалиции не отказываются от собственных предпочтений и ценностных ориентиров. Всё так же доминирующие коалиции избегают системных мер преобразования отечественной экономики (предпочитая говорить о корректировке курса); предпочитают бороться с коррупцией не системным образом, а за счет точечных разоблачений отдельных коррупционеров (что можно расценить как форму межсетевого соперничества); не предлагают никаких новых идей и подходов по реформам госаппарата (игнорируя массовые требования по реформированию судебной и правоохранительной систем). В русле такой политики предлагается не налоговая амнистия (оздоровившая бы атмосферу предпринимательства), а амнистия капиталов (то есть выведение из-под ответственности конкретных бизнесменов, в том числе и тех, доходы которых имеют криминальное происхождение). И даже при первых проявлениях западных санкций Государственная дума оперативно взялась компенсировать потери крупных бизнесменов (инициируя так называемый “закон Роттенберга”), по информации СМИ принадлежащих к высшим бизнес-политическим сетям.

Предлагаемый властями план оживления экономики за счет реализации “стратегических проектов” (которые, напомним, в позднесоветское время также рассматривались как инструмент оживления экономического развития) сохраняет свою корпоративную направленность и вряд ли поможет обществу, нуждающемуся в более существенных изменениях, а именно – в реформации госаппарата, глубоких институциональных преобразованиях, структурной перестройке всей сферы экономической жизни. А вот конкретным корпорациям (и стоящими за ними группам политиков и чиновников) эти “стратегические планы”, на которые будут направлены крайне значительные бюджетные средства, помогут обязательно.

Одним словом, все эти факты позволяют констатировать долгосрочную преемственность (с предыдущими историческими периодами) ориентационных ценностей отечественной элиты и связь ее стратегических замыслов с корпоративными и партикулярными интересами. Интересами, приоритет которых не могут поменять ни время, ни смена управленческих команд, ни политических лидеров, ни нарастание кризиса.

Пройденный страной путь показывает, что элитарные ценности – тот сегмент национальной политической культуры, который меньше всего претерпевает внутренние изменения. История наглядно демонстрирует и то, что рост – социальный, материальный, количественный – правящего класса никак не ведет к его социальному и политическому созреванию, то есть к достижению понимания его представителями своей миссии: управлять государством во имя интересов общества.

Видимо, можно сказать, что такие архетипические ценности элитарной этики коренятся в далеких византийских временах, где власть “была не ограничена по отношению к жизни, собственности и свободе отдельного гражданина... и весьма ограничена во всем, что касалось общественного строя... [и] политических институтов...” [Каждан 2006, с. 13]. Как бы то ни было, но есть все основания утверждать, что, несмотря на образованность многих представителей правящих кругов, их картина мира и профессиональное мировоззрение редуцированы к простейшим образам и ценностям самовоспроизводства в системе власти. Эта завороченность властью (и связанными с нею ресурсами) неизбежно упрощает в их сознании стоящие перед обществом проблемы, а “развитие” отечества становится синонимом получения верхами новых мате-

риальных преимуществ. Так что для общества и государства образы государственных стратегий могут диверсифицироваться, а для элиты, напротив, гомогенизироваться.

В сожалению, последствиями такой элитарной этики становится не только соответствующий стиль управления государством, но и распространение социального безразличия и пассивности населения, формирование атмосферы негражданственности (системы коммуникаций, которая выстраивается снизу теми людьми, кто пытаются “приспособиться к ситуации: уклониться от исполнения собственных обязанностей, скрыть доходы и т.д.” [Левада 2000, с. 344], то есть “врасти” в структуры управления на основе личных связей). Сложившаяся система власти и управления порождает у людей ощущение несправедливости, неспособности государства исполнять свои обязанности, толкает многих из них к “бегству” от государства, поиску независимых от него способов существования (влекущих в том числе и отказ от социальных обязательств).

Поэтому сегодня возникают, как минимум, три вопроса: есть ли в отечественной элите люди, способные преодолеть очарование властью и ее ресурсами и начать профессионально работать на общество? возможно ли – и при каких условиях – ценностное обновление элитарного сознания? и смогут ли ныне живущие поколения увидеть результаты такого обновления?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бочаров В.В. (2011) Российская власть в политико-антропологической перспективе // ПОЛИС. № 6. С. 92–103.
- Глебова И.И. (2011) Отечественная война в русской культуре // Труды по русистике. Вып. 3. С. 199–285.
- Детярев А.А. (2003) Методологические подходы и концептуальные модели в интерпретации политических решений // ПОЛИС. № 2. С. 164–173.
- Иноземцев В.Л. (2010) История и уроки российских модернизаций // Россия и современный мир. № 2 (67).
- Каждан А.П. (2006) Византийская культура (X–XII вв.). СПб.: Алетейя.
- Левада Ю. (2000) От мнений к пониманию: социологические очерки 1993–2000. М.: Наука.
- Малинова О.Ю. (2009) Почему идеи имеют значение? Современные дискуссии о роли “идеальных” факторов в политических исследованиях // Идеи и символы в политике. Методологические проблемы и современные исследования. М.: ИНИОН РАН. С. 15–28.
- Сморгунов Л.В. (2009) Сравнительная политология в поисках новых методологических ориентаций: значат ли что-либо идеи для объяснения политики? // ПОЛИС. № 1. С. 118–129.
- Соловьёв А.И. (2015) Государственные решения: концептуальный простор и тупики теоретизации // ПОЛИС. № 3. С. 127–146.
- Тамаш П. (1999) Потерянное десятилетие России: от капитализма-1 к капитализму-2 // Конец эльцинщины. Будапешт. С. 94–123.
- Хайоз Н. (2011) Управление, коррупция и локальные структуры политического влияния в Швейцарии // Элиты и общество в сравнительном измерении. М.: Российская политическая энциклопедия. С. 201–210.
- Шевяков А.Ю. (2009) Эффекты социальной политики в разрезе отдельных групп населения // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. Вып. 1. С. 42–54.
- Goldstein V.A., Keohane R.O. (1993) Ideas and foreign policy: an analytical framework // Ideas and foreign policy: beliefs, institutions and political change. New York: Cornell Univ. Press, pp. 3–15.
- Kenis P., Schneider V. (1991) Policy Networks and Policy Analysis: Scrutinizing a New Analytical Toolbox. Policy Networks Empirical Evidence and Theoretical Consideration. Frankfurt/Boulder (CO); Campus/Westview Press, pp. 22–59.
- Olson M. (1993) Dictatorship, Democracy and Development // The American Political Science Review, vol. 87, no. 3, pp. 567–576.
- Peters B., Pierre J. (2007) The Handbook of Public Administration. Los Angeles–London.
- Schlager E. (2007) A Comparison of Frameworks, Theories, and Models of Policy Processes // The Handbook of Public Administration. Los Angeles–London, pp. 295–310.

Silke A., Kreisi H. (2007) The Network Approach Theories of the Policy Process // Theories of the Policy Process. Davis: University of California, pp. 125–131.

Tilly Ch. (1976) War Making and State Making as Organized Crime // Bringing the State Back. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Zey M. (1992) Decision Making: Alternatives to Rational Choice Models. Newbury Park (CA): Sage.

Zey M. (1998) Rational Choice Theory and Organizational Theory: a Critique. Thousand Oaks (CA): Sage.

The ruling class ethics as a source of state strategies

A. SOLOVIYOV*

***Soloviyov Alexander** – doctor of political sciences, professor, head of Department for Political Analysis Moscow State University. Address: 27/4, Lomonosovsky av. Moscow, 119991, Russian Federation. E-mail: solovyev@spa.msu.ru.

Abstract

The article reveals the place and role of value-orientation, and moral-ethical ideas of the ruling class as the source for the development and implementation of public policies. It is shown that the decisive influence in this plan have beliefs and installation of network coalitions of elites operating in latent form, and playing a Central role in the preparation and implementation of government decisions. In this regard, the article deals with the structural and procedural conditions and the factors contributing to the impact of elite values on specific solutions and social conditions of their implementation. In this context describes the features of the value-orientation of the complex modern ruling class in Russia, describes how its impact on the objectives of the national strategies in light of current in the establishment of cultural norms and traditions.

Keywords: The ruling class, the elite, values, ethics, the state space of the decision, the state strategy.

REFERENCES

Bocharov V.V. (2011) Rossiyskaya vlast v politiko-antropologicheskoy perspektive [Russian power in the political-anthropological]. *POLIS*. no. 6, pp. 92–103.

Degtyarev A.A. (2003) Metodologicheskie podhodi i konceptualnie modeli v interpretacii politicheskikh resheniy [Methodological approaches and conceptual models in the interpretation of political decision]. *POLIS*, no. 2, pp. 164–173.

Glebova I.I. (2011) Otechestvennaya voyna v russkoy kulture. [The Patriotic war in Russian culture]. *Trudi po rossiavedeniyu*, vip. 3. Moscow: Nauka, pp. 199–285.

Goldstein V.A., Keohane R.O. (1993) Ideas and foreign policy: An analytical framework. *Ideas and foreign policy: beliefs, institutions and political change*. New York: Cornell Univ. Press, pp. 3–15.

Hayoz N. (2011) Upravlenie, korrupciya i lokalnie strukturi politicheskogo vliyaniya v Shveytsarii [Governance, corruption and local patterns of political influence in Switzerland] *Eliti i obschestvo v sravnitel'nom izmerenii* [Elites and Society at the Cross Roads]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya ensiklopediya, pp. 201–210.

Kazhdan A.P. (2006) *Vizantiyskaya kultura (X–XII vv.)* [Byzantine culture (X–XII centuries)]. St. Petersburg: Aletheia.

Kenis P., Schneider V. (1991) Policy Networks and Policy Analysis: Scrutinizing a New Analytical Toolbox. *Policy Networks Empirical Evidence and Theoretical Consideration*. Frankfurt/Boulder (CO); Campus/Westview Press, pp. 22–59.

Levada Y.U. (2000) *Ot mneniy k ponimaniyu: sociologicheskie ocherki 1993–2000* [From opinions to understanding: sociological essays 1993–2000] Moscow: Nauka.

Malinova O.Y. (2009) Pochemu idei imeyut znachenie? Sovremennye diskussii o roli idealnih faktorov v politicheskikh issledovaniyakh [Why ideas are important? Current debates about the role of the “ideal factors in political research]. *Idei i simboli v politike. Metodologicheskie problemi i sovremennye issledovaniya* [Ideas and Symbols in Politics. Methodological Problems and Carrept. Research] Moscow: INION RAN, pp. 15–28.

Olson M. (1993) Dictatorship, Democracy and Development. *American Political Science Review*, vol. 87, no. 3, pp. 567–576.

Peters B., Pierre J. (2007) The Handbook of Public Administration. Los Angeles–London.

Schlager E. (2007) A Comparison of Frameworks, Theories, and Models of Policy Processes. *The Handbook of Public Administration*. Los Angeles–London, pp. 295–310.

Shevyakov A.Yu. (2009) Effekti socialnoy politiki v razreze otdelnykh grupp naseleniya [Effects of social policy in the context of individual populations]. *Problemnii analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie* [Problem Analysis and State Government Planning], vip. 1, pp. 42–54.

Silke A., Kreisi H. (2007) The Network Approach Theories of the Policy Process. *Theories of the Policy Process*. University of California, Davis, pp. 125–131.

Smorgunov L.V. (2009) Sravnitel'naya politologiya v poiskakh novykh metodologicheskikh orientatsiy: znachat li chto-libo idei dlya ob"yasneniya politiki? [Comparative political science in the search for new methodological orientations: mean are there any ideas to explain policy?]. *POLIS*, no. 1, pp. 118–129.

Soloviyov A.I. (2015) Gosudarstvennye resheniya: konceptualnyi prostor i tupiki teoretizatsii [Government decisions: the conceptual space and the stubs of theoretically]. *POLIS*, no. 3, pp. 127–146.

Tamash P. (1999) Poteryanno desyatiletie Rossii: Ot kapitalizma-1 k kapitalizmu-2 [A Lost decade Russia: From capitalism-1-to-capitalism-2]. *Konec elcinschiny* [The End of Eltsischina]. Budapesht, pp. 94–123.

Tilly Ch. (1976) War Making and State Making as Organized Crime. *Bringing the State Back*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Zey M. (1992) *Decision Making: Alternatives to Rational Choice Models*. Newbury Park (CA): Sage.

Zey M. (1998) *Rational Choice Theory and Organizational Theory: a Critique*. Thousand Oaks (CA): Sage.

© А. Соловьёв, 2015